

СЕРГЕЙ ЛЫСКОВ

Детективное агентство

«ВОЛШЕБНОЕ
РЯДОМ»

18+

Сергей Лысков

Детективное агентство

"Волшебное рядом"

<https://litres.ru/74622437>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что если мир магии рядом, в буквальном смысле, за углом дома, в квартире по соседству, за прилавком любимого магазина, и это нормально, волшебное рядом, оно всегда было среди нас, не всегда хотело чтобы люди его видели, но это уже другой вопрос, так вот если это так и магия реальна как стаканчик кофе в твоей руке, то и у неё есть тайны. Которые я не могу больше скрывать.

А значит, предупреждаю сразу не относитесь к описанному в книге как к истине, любые совпадения случайны, имена изменены и тем не менее даже в такой форме они обязана увидеть свет.

С уважением Фиолент.

Содержание

Продаю счастье. Дорого	4
Наместница	4
«Страна чудес»	21
Журналист	35
Продавец счастья	52
Наместник	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Лысков

Детективное агентство

"Волшебное рядом"

Продаю счастье. Дорого

Наместница

В центре Чикаго, на пересечении Блэкроуд и Шестой авеню, работал цветочный магазин, там трудились всего два продавца, выходцы из южной Азии. Делали всё: принимали товар, давали советы по садоводству, флористике, даже по ночам сторожили. Неразговорчивые, смуглолицые, если не всматриваться, типичные индусы, разве что нос побольше да необычная, терракотового оттенка, радужка глаз. А в целом обычные беженцы, возможно, братья. Тот, что поменьше ростом, откликался на короткое имя, вероятно, кличку – Туск, другой, молчаливый, отзывался на короткое – Лег. Но, что самое забавное, эта парочка, как проворные крысы, постоянно что-то обнюхивали: товар, цветы и даже покупателей.

Хозяйка магазина, дама «за тридцать», одевалась в светлые тона – белый и все его оттенки, любила бусы и броши.

Бусы меняла каждый день, а вот брошь всегда была одна и та же: золотой барельеф с драгоценными камнями, на котором два крохотных подснежника оплетали веточки лавра. Похоже, семейная реликвия. Интересная особа, каждый день новый образ. В это майское утро она пришла на работу в кремовом брючном костюме и туфлях, короткие черные волосы до блеска смазаны гелем, алая помада, белоснежная кожа, прямой носик и завораживающие зеленого цвета глаза. И при этом дама с характером, табличка у кассы – прямой аргумент для тех, кто сомневается:

«Хозяйка цветочного бутика «Аврора» Анна-Мария Лемм»

– Туск, убери древестник в дальний угол, – распорядилась хозяйка. – Кто его поставил так близко ко входу – реагирует на каждого посетителя!

– За ним должен прийти шериф Стоун, – ответил работник, – Хотели показать товар лицом.

– Не стоит, сам знаешь, какой он дотошный, не хочу выслушивать упреки, почему товар не новый.

– Слушаюсь, госпожа, – спеша выполнить поручение, ответил Туск и, подойдя к глиняному горшку, окликнул напарника: – Лег, помоги мне.

Дин-дон! – зазвенел колокольчик на входной двери, и в магазин вошел лилипут: серого цвета костюм-тройка, фетровая шляпа, лакированные коричневые туфли, белая сорочка с жабо – этот гость излучал недостаток и роскошь. Рядом с

ним по правую руку стоял огромный черный пес, похожий на овчарку, только с голубыми глазами, как у хаски, и остроконечными ушами, как у добермана. На шее у пса красовался серебряный ошейник, там, где обычно пишут кличку собаки, красовалось изображение головы льва.

Почуяв рабочих, зверь оскалил пасть, а лилипут, напротив, тронул кончик шляпы, поприветствовав окружающих. Вел он себя уважительно и раскованно, словно постоянный клиент. Что странно, хозяйка магазина напряглась при виде необычных посетителей, в особенности пса, но, увидев, как Туск перевернул табличку с надписью: «Открыто» другой стороной – «Перерыв», радостно выдохнула и с нежностью обняла лилипута.

– Прости, сестра, но Торенс неуправляем, – кивком указав на пса, начал брат.

– Туск, важных клиентов можешь впускать, пусть ждут, для всех остальных перерыв, – приказала Анна-Мария. – Мы ненадолго.

– Доволен? – спросил у пса лилипут, на что тот гавкнул. – Идем в кабинет.

Довольный пес мгновенно перестал скалить зубы и радостно метнулся к старой потертой двери, на которой красовалась такая же потрепанная временем табличка: «Хозяйственный инвентарь». Повернув медную ручку, женщина открыла кладовку. Ну как кладовку, назвать это крохотным помещением, набитым хозинвентарем, язык не повернется,

потому что там была громадная оранжерея. Пол – короткостриженный газон, стены – древесная лоза, где росли по соседству карликовые деревья, похожие на те, что продавали в соседней комнате. Но самым удивительным был потолок: в дальнем углу оранжереи клубились кучевые тучи, и, что самое удивительное – из них шел настоящий дождь.

Хозяйка села за дубовый стол, который был опутан лозой, и к ней подскакала большая фиолетовая жаба с красными глазами. Обнюхав гостей, она покорно села на газон, и тут же трава заколосилась, образуя подобие табуретов. Не раздумывая, пес запрыгнул на постамент и громко залаял.

– Дезмонд, что ему нужно? – раздраженно спросила Анна-Мария. – Никогда не понимала этот идиотский лай.

– Сейчас все объясню, – ответил лилипут, а затем вытащил из кармана кожаный мешочек и высыпал на ладонь несколько крупниц золота с черной патиной, при этом жаба заметно оживилась.

– Спокойно, Дерри, – он зажал золото в кулаке и с прищуром посмотрел на сестру. – Еще в юности я наткнулся на министерские документы, которые отец скормил Дерри, так вот, там было описание уничтожения артефакта, волшебной палочки некоего Зеба Тогля, мага, который поднял мятеж против владыки мира, но потерпел неудачу и был приговорен к заточению в Атараксе.

– Зачем мне эта информация? – возмутилась Анна-Мария.

– Его палочку уничтожили темной сущностью кувшина Ра, – ответил лилипут.

– Дезмонт, сразу нет! – перебила его сестра. – Ты в своем уме – использовать темную воду?

– Да, сестра, и более того, мой ум трезв и светел, как никогда, я тебе больше скажу, – с ухмылкой посмотрел на нее брат. – Сущность Ра – вполне осязаемая штука, – он вытащил пузырек с деревянной пробкой.

– Ты безумен, Дезмонт! – в ужасе прошептала Анна-Мария, разглядывая темную воду. – Одна оплошность – и тут будет с десятков министерских ищеек. Меня уволят, вас посадят, подумайте о будущем рода Лемм?

Торенс, недовольный реакцией сестры, агрессивно зала-
ял.

– Дослушай! – прикрикнул Дез и попросил пса дать лапу. – Шрам без волос – это действие темной воды в чистом виде. Вода выжгла проклятье, а заодно и эльфийскую плоть, – Анна-Мария дотронулась до шрама. – Но мы пошли дальше. Брат, дай другую лапу, – приказал Дезмонт и показал большую проплешину в шерсти. – Если смешать воду с черным золотом, ожога не будет, правда, эффект нестойкий, сама видишь – шерсть отрастает.

– Кто вам дал сущность Ра? – не успокаивалась она. – И где ты возьмешь столько черного золота для снятия проклятия? Опять пыльца? Тебе мало Сомерсланда? Дезмон, мне столько усилий потребовалось, чтобы спихнуть это дело в

мир людей, ты пойми, я простая наместница, а не помощник министра.

– При чем тут это? – оборвал ее лилипут.

– Двадцать невинных пар, – закричала Анна-Мария. – Дезмонт, умоляю, перестань собирать пыльцу. И чем бы ни клялся Торенс, ты же лучше меня знаешь, что в человеческом облике он монстр! Пес войны, безжалостный убийца!

Пес яростно залаял, скаля зубы, желая накинуться на строптивую сестру, а лилипут спокойно погладил разъяренную собаку и со сталью в голосе продолжил:

– Ты не хочешь снять проклятие с брата?

– Хочу, но не такой ценой, – категорично заявила она. – Думаешь, я не понимаю, зачем тебе темная вода? Она вымывает из людей все волшебное.

– Да. И что в этом плохого? Наш мир держится на пыльце, – с невозмутимой улыбкой возразил Дезмонт.

– Это запрещено законом, – строго ответила Анна-Мария.

– Не волнуйся, в этот раз мы не будем брать всё, сохраним жизни. Закон запрещает убивать людей магией, ну так я и не буду их убивать.

– Они просто сойдут с ума и умрут сами, без волшебства, – возмутилась госпожа Лемм. – Ты это потом расскажи министерству, когда вас двоих определят в Атаракс?

– Анна, я не хочу с тобой спорить, просто доверься мне, – невозмутимо ответил лилипут. – Ты зря паникуешь, в этой стране всем плевать на население, сгинут тысячи – никто и

пальцем не пошевелит. И вообще мы пришли не выяснять отношения, а провести эксперимент.

«Найди родовую монету!» – сквозь звериный лай прорвалась человеческая речь.

Анна-Мария, мотая головой, отказалась выполнить просьбу, а пес запрыгнул на стол и как-то совсем не по-собачьи зарычал, и снова сквозь рык она услышала четкое: «Где родовая монета, Анна?!»

– Она не будет работать, – оправдывалась сестра. – Вы в своем уме – тратить волшебное золото?

Пес оскалил зубы, как перед атакой, женщина прикрыла глаза, опасаясь броска, но, как только услышала сквозь рык едва различимую команду: «Ищи!», начала искать монету, а Торенс, жадно дыша, сел на траву и принялся мордой указывать на те места, где могла она находиться.

– Не торопи меня! – открывая один за другим ящики стола, буркнула она. – Просто не помню, куда положила. А вы в курсе, что темная вода растворит золото, и мы лишимся наследства?

– Не волнуйся, именно это и нужно сделать, – насыпая в пасть Дерри золотые крошки, ответил Дезмонд. – Дерри, найди служебную записку!

Пережевывая золотую крошку, жаба закрыла глаза, несколько секунд по ее фиолетовой щетине разливались черные маслянистые пятна, и когда она перестала жевать, из травы показался бежевого цвета кончик кожаной записки.

– Вот, смотри! – Дезмонд указал на текст. – Пишет придворный зельевар Адольф Куффер: «Темная сущность кувшина Ра весьма нестабильна, любой контакт с окружающей средой для нее губителен. После ряда экспериментов найдена безопасная среда обитания – безвоздушное пространство в глиняном сосуде. В иных условиях сущность начинает истончать нити Ра, теряя волшебные свойства».

«Так проверяют подлинность воды», – едва различимо гавкнул Торенс.

– Верно, брат, – перевернув лист, продолжил лилипут. – Читаем дальше, физические свойства – пропускаем, и так понятно – вязкая безвкусная жижа, ничего интересного. Вот важный момент: «При попадании на магические предметы сущность пожирает волшебство предмета». Еще чуть пропустим, вот, – он указал пальцем на новый абзац. – Пояснения Куффера: «Растворяя волшебную палочку Зеба Тогля, сущность Ра на время обрела свойства палочки, более трех суток сущность Ра реагировала на словесные команды, выпуская хаотичные сгустки магической энергии.

– И что с того, при чем тут золото? – спросила Анна-Мария.

– Золото и есть магия, – ответил он, а пес одобрительно твякнул. – Не бойся, Анна тратить все родовое золото никто не собираются, – погладив пса, он ехидно улыбнулся, – Нужно понять концентрацию металла в зелье, с черным золотом сложно разобраться, оно все неоднородное, нужна благород-

ная монета. Никто не будет тратить все, только пару крошек, чтобы понять, как это работает.

После этих слов Дезмонд открыл пузырек, и тоненькие струйки перламутрового дыма медленно потянулись к потолку. Нехотя, но Анна-Мария протянула четвертушку золотой монеты с лиловой патиной брату, тот отщипнул часть золота и кинул его в сущность Ра. Забурлив, содержимое пузырька перестало источать нити. За пару секунд золото безвозвратно растворилось, оставив лишь масляную пленку лилового цвета в районе горловины. Попросив у сестры миску, Дезмонд налил сгусток лилового цвета. Наклонившись, пес с жадностью принялся лизать каждый дюйм целебной жижи. И буквально на глазах шерсть ключьями стала осыпаться на травяной пол, обнажая белоснежную кожу. Ошейник треснул и упал на траву, сжавшись до перстня. Морда словно выросла обратно в череп, формируя человеческий облик. С пальцами произошло обратное, сбрасывая щетину, они удлинились, было видно, как под кожей прирастает мышечная масса, и так повсюду: рёбра, спина, таз, бёдра – всё набирало объем, становясь человеческим. Довольный Дезмонд заткнул пузырек пробкой и вместе с родовым золотом положил всё в карман жилетки. Золото работало, оставалось понять, как долго, но это уже детали.

А перед ними уже стоял атлетично сложенный воин, словно его выкрали из римского легиона. Темноволосый, с волевым подбородком, тонкими губами, медальным профилем и

тяжелым взглядом беспощадного солдата.

– Работает! – одев на большой палец родовой перстень, стальным голосом заорал Торенс, а Дезмонт протянул ему шляпу – прикрыть наготу.

– Туск, – крикнула Анна-Мария, и когда тот заглянул в кабинет, распорядилась принести одежду.

Осматривая брата, лилипут с опаской ждал, что сейчас начнется обратный процесс и Торенс снова станет псом, но шерсть не появлялась, а мышцы и кости не деформировались – магия золота сковывало проклятие, и более того – как выразился брат, вернулась прежняя мощь. Сила эльфийской крови великого рода Лемм.

– Госпожа, – протягивая одежду, сказал незаметно подошедший Туск. – Пришел важный клиент.

– Как не вовремя, – махнув рукой в сторону жабы, чуть слышно прошептала хозяйка. – Атем-до, Дерри, покажи, кто там!

Лоза на стене расступилась, и в появившемся окне все увидели толстопузого полицейского в очках. Невысокий, круглолицый, он казался простачком, впрочем, наблюдая за тем как этот толстяк, присматривался, принюхивался к будущей покупке, изучая каждый листик, мысли о его простоте улетучивались.

– Шериф Стоун, – недовольно прошептала Анна-Мария и с укором посмотрела на Туска. – Возьми с него деньги за товар и выпроводи.

– Пытался, – ответил работник. – Он сказал, что будет ждать вас.

Анна-Мария строго посмотрела на братьев.

– Только не говорите, что вы переселились в Риверстоун.

– А в чем проблема, Америка свободная страна, – разведя руками, возмутился Торенс.

– Тебе никогда не понять, эгоистичный верзила, – сквозь зубы процедила хозяйка магазина.

– А можно проявить уважение вместо упрёка, – сказал Торенс. – Если ты забыла, сестренка, я один тяну ярмо проклятия рода Лемм.

– Торенс, лучше молчи, – вмешался Дезмонд.

– А что не так? Не спорю, ты тоже помогаешь, мой младший, хотя нет, маленький братишка, – усмехнулся здоровяк. – Но по мне лучше быть псом войны, чем жить без силы среди людей.

– Хватит выяснять отношения! – прервала его Анна-Мария. – Мы поступим так: я иду в зал, вы никуда не выходите, пока не дам команду, и пожалуйста, Дезмонд, контролируй этого эгоиста.

– Чем я вам не угодил? – громко возмутился старший брат.

– И не ори! – в один голос приказали оба родственника.

Отделение наместника, пожалуй, единственное место где можно без оглядки на закон применять магию. Обычно такие места располагаются в безлюдных заброшенных здани-

ях, подальше от любопытных человеческих глаз, но у Анны-Марии было разрешение на продажу волшебного инвентаря, поэтому магазинчик «Аврора» в центре Чикаго для людей был цветочным бутиком, а для всех остальных – отделением наместничества. Наместники отвечали за нераспространение магии в мир простых обывателей, следили за тем, чтобы та оставалась на задворках, в мифах, сказках и легендах.

При этом множество волшебных существ жили среди людей, и если эволюционно более древние существа, такие как эльфы, лепреконы, тролли, с лёгкостью различали, кто перед ними, то домовым, гномам и магам было сложнее. В частности, шериф Реверстоуна, обычный гном, каждый год общался с множеством туристов, и не все они люди, уместен вопрос: как разбираться в посетителях городка. Вот тут на помощь приходили маленькие деревца, похожие на бонсай, или более известные как древестник обыкновенный, просто незаменимый артефакт для работы с людьми.

– Напомните, как оно действует? – окинув взглядом пышное деревцо, спросил Стоун.

– Радиус действия два метра, – Анна-Мария дотронулась до листвы, и та, зашевелившись, приобрела лиловый оттенок.

Каждый капилляр листика наполнился соком лилового цвета, по-хамелеонски меняя окрас. Обалдевший от такого эффекта шериф посмотрел на госпожу Лемм и тоже тронул

листву, под его рукой крохотные листики стали желтеть.

– А что будет, если рядом окажется человек? – убрав руку, спросил Стоун.

– Ничего, – ответила госпожа Лемм. – Зеленый останется зеленым.

– Сколько я вам должен?

– Пол-унции, – с улыбкой ответила наместница и позвала Туска, чтобы тот взял оплату и упаковал покупку.

Впрочем, даже после этого шериф Стоун не спешил уходить, он то и дело находил огрехи в упаковке, причитая, что ему ехать двести миль по весенней жаре. Создавалось впечатление, что он специально тянет время. Даже после того как дерево упаковали, под его чутким руководством, шериф попросил себе стул и стал медленно искать нужную сумму в кошельке.

– Что-то еще, шериф? – решив поторопить гостя, спросила хозяйка магазина.

– А, вот, нашел последний слиток, – положив на прилавок всю сумму, улыбнулся Стоун.

– Спасибо за покупку, приходите еще.

– Давно хотел спросить, – поймав взгляд Анны-Марии, задержал ее шериф. – Вам знакомо имя Боб Грукка?

– Почему я должна его знать?

– Потому что этот джентльмен, пользуясь вашим родовым клеймом, подал заявку на работу с магическими артефактами среди людей в моем городе, будет проводить сеансы спи-

ритизма.

– Кажется, я поняла, о ком вы спрашиваете, – ответила она. – Это новое имя моего брата Дезмонда, удивлена что вы об этом беспокоитесь. Дезмонд вправе жить и работать где ему захочется.

– Разумеется, – улыбнулся шериф. – Все хотят есть и зарабатывать, как могут. Риверстоун городок маленький, люди доверчивые, но ходят слухи о темных делишках господина Лемма.

– Вы про Сомерстленд? – возмутилась она.

– Не подумайте, что я вешаю ярлыки, – оправдывался шериф. – Но все жертвы были клиентами вашего брата.

– Дезмонд! – позвала брата госпожа Лемм.

И когда лилипут вышел из кладовки, шериф даже снял очки, чтобы разглядеть горожанина. Волшебная кровь всегда меняет облик, как минимум несет в себе силу, но, глядя на лилипута, не верилось, что этот мужчина с телом подростка способен убить. А когда Дезмонд объяснил, чем хочет заняться – вызывать умерших родственников, дабы скорбящие могли проститься или просто поговорить по душам, шериф окончательно согласился, что ничего противозаконного в этом нет. Он даже посоветовал обратиться в парк чудес «Вондерленд», его владелец как раз искал новых арендаторов. В общем, откровенный разговор расставил все точки в трагедии Сомерсленда и мог бы считаться успешным, если бы не вышедший под конец старший брат.

– Дез, ты мне нужен, – закричал разъяренный Торенс. – Быстрее заканчивай болтать, – он положил руку на грудь.

– Это срочно? – сквозь зубы процедил лилипут.

– Да, – ответил он. – Ты должен это увидеть.

– А вы кто? – тут же насторожился Стоун.

– Имею полное право не замечать тебя, жалкий гном, – схамил старший брат. – Дез, хватит болтать с низшими по рангу, – рявкнул здоровяк. – Идем, покажу кое-что, ты обязан это увидеть.

– Извините, шериф, – тут же вмешалась Анна-Мария. – Друг моего брата только из аэропорта, перелет, адаптация, в первые сутки все эльфы немного на взводе.

– Вы приехали к родственникам, уважаемый эльф? – постарался быть тактичным полицейский.

– Тебе какое дело? – продолжил хамить Тоуренс. – Жаль, что времена не те, – смотря ему в глаза. не унимался здоровяк. – С каким бы удовольствием я раз...

– Прекрати хамить! – сунув ему сотенную бумажку, перебил его Дезмонд. – Рядом есть пиццерия, иди поешь, ты ужасен, когда голоден.

– И пойду! – сверля взглядом шерифа, ответил здоровяк. – На тебя заказывать? – посмотрев на сестру, спросил он, но госпожа Лемм в испуге отрицательно покачала головой.

Неловкая пауза казалась бесконечной. И Анна-Мария, и Дезмонд виновато улыбались, понимая, что поведение брата было на грани открытого хамства. Мало того, что до полно-

луния придется врать о том, кто этот эльф, так еще Торенс неуправляем. В такие минуты начинаешь думать: «Как хорошо, когда вместо человеческого облика твой родственник большая собака».

– Европа полна предрассудков, но это и понятно, у них классовое неравенство в почете, как хорошо, что мы в Америке, – протягивая руку, сказал полицейский.

– И не говорите, шериф, – ответила Анна-Мария.

– До встречи в Риверстойне, Боб Грукка.

– Непременно, шериф, – в ответ пожал руку Дезмонд. – Извините за инцидент, друг несносен, когда голоден.

– Бывает, – забрав купленное дерево, ответил Стоун и покинул магазин.

Буквально тут же лилипут поспешил в пиццерию, понимая, что брат неуправляем в обществе людей. Но, хвала магии, голод победил, тот сидел за дальним столиком и уплетал двойную Маргариту.

– Что ты устроил в магазине? – сев за стол, возмутился Дез. – Что такого важного произошло, что ты вышел из кладовки?

– Смотри, – яростно ответил брат и расстегнул рубашку. – Волосы снова растут.

– Застегнись, болван, – процедил лилипут. – Вижу, что растут, это нормально, никто не говорил, что действие будет вечным.

– Сделай новое зелье, – схватив его за лацканы пиджака,

потребовал здоровяк. – Не хочу быть псом, делай, кому говорят!

– Да убери ты руки, – высвободился лилипут. – Без паники, ждем обратного обращения, надо понять, насколько хватит крошки, тогда можно примерно рассчитать количество черного золота, глупо тратить родовую монету на твои хотелки.

– Это мое золото! – ударив по столу, закричал он, и полпищерии обернулись на эту парочку.

– Не ори! – сквозь зубы процедил Дез и добавил чаевые в счет. – Застегни рубашку, и пошли в фургон.

Торенс сжал кулаки, напряг все тело, но, почувствовав взгляды окружающих, гневно выдохнул и выполнил приказ брата. И только в дороге на пути в Риверстоун, когда гнев прошел, Дезмонт убедил брата, что на первый раз надо засечь время и понять, насколько хватает магии металла. А потом, когда план с обогащением в Риверстойне заработает и появится достаточное количество черного золота, он сделает зелье.

Главное, чтобы поставки сущности Ра были стабильными.

«Страна чудес»

Роджер Сорс, владелец парка аттракционов, до конца не верил в затею с новым шатром, оно и понятно, что значит продавать счастье, как минимум у каждого человека собственное понятие о таком сакральном состоянии сознания. Тем не менее предприимчивый лилипут по-хозяйски возвел шатер не без помощи рабочих, расклеил рекламу, нанял охранников из местных и, что самое забавное, этот Боб Грукка верил в затею обогатиться столь необычным способом. А с другой стороны, малец внес предоплату, пусть развлекается, никто не виноват, что он болван, который продаст ощущения счастья более чем за сотню баксов. И глупцы те, кто вторят ему: «новый аттракцион», «сыграет любопытство», «уважаемые, послушайте себя», «любопытство за такие деньги, да никогда, за пятерку возможно, за доллар однозначно, но не за сотню», «этот предприимчивый фантазер обречен на провал».

– Хм, «продавец счастья», – поправив штаны на подтяжках и почесав пузо, процедил Роджер. – Ну-ну, посмотрим! – закусив фильтр сигареты, владелец парка аттракционов покосился на рекламу:

«Только у нас! Волшебник Боб Грукка призывает призрак любимого родственника, пробудив в каждом невероятное ощущение давно забытого счастья! Мы вернем вам гармо-

нию, подарим уверенность в себе и покажем новый смысл в жизни!

Внимание! Сеанс спиритизма, только для взрослых!

Первый прием 150 долларов, повторный прием 100 долларов.

Обязательное условие: при себе иметь «проводник печали» (личную вещь родственника).

И помните, вы ничем не рискуете, не испытали удовольствие – мы вернем деньги!»

– Эй, парень. – рабочий обернулся. – Скажи Бобу, пусть развернет баннер, никто не будет оглядываться на рекламу, выходя из парка.

Рабочий согласно кивнул, а владелец продолжил обход «Вондерленда». Надо сразу признать, парк Сорса – бледная тень тематических парков на звездно-полосатом континенте, мало того, что «Вондерленд» можно обойти за час, так в нем напрочь отсутствовала концепция, идея, почему эти аттракционы называли «страной чудес». Исключительно списанные аппараты: колесо обозрения, скоростная горка, десятка два игровых автоматов из казино, детская карусель, качели-лодочки, машинки, стилизованные под космические корабли, и три шатра по типу гастролирующих шапито. Единственное, что объединяло все зоны развлечений – это красно-синий забор-штакетник, увешанный табличками для лучшего ориентирования. Впрочем, при всей местечковости парк «Вондерленд» был тем местом, где семьи прово-

дили уик-энды, а после появления третьего шатра чудес поток желающих только рос.

Шатры были центрами притяжения, в первом работала потомственная колдунья из цыган Тамара Корса, эффектная дама в возрасте, умеющая за пару долларов предсказать судьбу по картам, рунам и даже кофейной гуще, как говорится, знающая подход к клиенту. Во втором работал билетером, механиком и зазывалой сам Сорс. Его шатер чудес был двойным аттракционом: комнатой смеха с кривыми зеркалами и комнатой страха с механическими чучелами ядовито-зеленого цвета. Два аттракциона в одном, задуманных так, что, когда заканчивалась одна комната, начиналась другая, а двойной билет давал право выбора: начать со смеха или сразу перейти к страху. Такая идея не нова, но всегда востребована, посетить два аттракциона по цене одного приятнее любой скидки. И если со смекалкой у Сорса было все в порядке, то в остальном как владелец парка он многим не нравился: неприятный тип: немец по происхождению, предпочитающий однотонные сорочки, клетчатые галстуки-бабочки и крепкие подтяжки, потому что не всякий ремень мог обхватить его пузо. Залысины, большой рот, желтые стесанные слева клыки. Сорс любил сытно поесть, много курил, пил только виски и для бодрости нюхал смесь табака со специями. У него не было друзей, а за глаза его прозвали «Боровом», мало того, что он чихал от нюхательного табака, как свинья на забое, так от него разило ядреной смесью пота с

дешевым парфюмом. При всем этом надо отдать должное хозяйской хватке Сорса, несмотря на кажущуюся скудность для заработка парк был прибыльным: вагончики с хот-догами, аппараты сладкой ваты, бочонки с разливным пивом и лимонадом, вся эта мелкая торговля окупала убыточность аттракционов.

– Разрешите? – открыв дверь, спросил лилипут Грукка. – Хозяин, вы не заняты?

– А, это ты, Боб, проходи, – промямлил себе под нос Сорс, не отрываясь от карт. – Присядь, увидишь, как я проучу этих выскочек, и поговорим о делах.

– Если честно, я спешу, – строго ответил Боб и положил конверт на стол. – Тут двести за аренду шатра и триста – процент с выручки, – протараторил лилипут. – Корешки билетов в кассе, ни одного не выкинул, можете посчитать.

– Ну что ты, Боб, – положив карты на стол, Сорс взял конверт. – Я привык доверять тем, кто на меня работает.

В фургоне было накурено, за игральным столом сидели четверо: Сорс, цыган Корса и близнецы Дефферы, рядом с каждым в бокале таял лед, разбавляя виски, в центре лежала небольшая кучка мятых купюр. По понедельникам владелец выдавал получку и устраивал разгрузочный день игрой в покер, всё по-честному, толстяк Сорс не поощрял обмана в картах, так что, если удача поцеловала тебя в темечко, ты мог удвоить, а то и утроить недельный заработок.

Боб был в рабочей мантии серого цвета с капюшоном,

круглолицый, с блестящей лысиной и большими глазами, он был собран и серьезен, никаких эмоций на лице, лишь суровый надменный взгляд исподлобья.

– Господин Роджер, я действительно тороплюсь, брат приежзает, – повернувшись к двери, заявил лилипут.

– Погоди, Боб, – Сорс встал. – Я тут подумал: для твоего шатра счастья нужен хороший билетер, солидный мужчина, шикарно одетый, такой одним видом будет привлекать публику, – он вытащил деньги из конверта и стал пересчитывать. – Как тебе наш цыган, Роберт? – спросил он и, не дождавшись ответа, продолжил: – Не смотри, что лохматый и небритый, его приодеть, постричь – не отличишь от настоящего конферансье. А какой статный голос! Этот утроит прибыль шатра.

– Подумаю, – скупно ответил лилипут.

– Подумай, – похлопал его по плечу Сорс. – Вечером приду в кассу заберу корешки. Ты же не против?

– Нет, – уверено ответил Грукка.

– Вот и славно, – толстяк Сорс с прищуром проводил лилипута, кинув вслед. – Если нужна работа брату, приводи, познакомимся.

Но Боб сделал вид, что не расслышал, спешно открыл скрипучую дверь и вышел вон. Сорс вынужден был мириться с таким поведением Грукка, формально тот был его подчиненным, но по факту лилипут никому не подчинялся. Характерный малец, и тут речь даже не о поступках, тщеславие

читалось на уровне жестов и мимики – не нужны действия, чтобы увидеть безграничное высокомерие Грукка, он даже дверь открывал пальцами, боясь замарать ладонь. Обычно крохотные люди себя так не ведут, у них зачастую много комплексов, но не в случае с Бобом: требовательный, бескомпромиссный, один его взгляд исподлобья чего стоил, даже Сорс не мог долго держать ответ, начинал нервничать.

– Наглый гаденыш, – прошептал Сорст и достал кiset. – Хорошо, что зеленый, быстро обломится.

Прикрывая правую ноздрию, он в один добротный вдох втянул щепотку коричневой пудры, а та, обжигая слизистую, защекотала нос, Сорс растер ноздри и задержал дыхание, волна бодрости мурашками пробежала по телу, и он смачно чихнул, затем еще раз и еще четыре подряд, немного подвизгивая. После толстым пальцем почесал нос и как ни в чем не бывало сел за игровой стол.

– Вскрывайтесь, бездари, – достав из кармана мятую двадцатку, пробасил Сорс. – Хватит блефовать, не ваш сегодня день.

– А вот и нет, – радостно потирая руки, положил на стол карты Корса. – Две пары кавалеров, – он аж подпрыгивал на стуле, предвкушая победу. – Как тебе такое, Роджер, не ожидал?

– Дурацкая игра, – положил на стол карты Том и грустно добавил: – Пас.

– А у меня три шестерки, – вскрыл карты Форд. – Обидно.

– Ай, красота легкие денежки! И, Роджер, ты обещал открыть семилетнее виски для победителя! – требовательно заорал Корса, улыбаясь во все тридцать два зуба, часть из которых были золотыми. – Ну, что медлишь, как тебе такой расклад? – он ударил по столу кулаком.

– Да никак, – затушив сигарету, усмехнулся толстяк. – Фул хаус, мальчик, что будешь делать с долгом?

– Нет! Нет, как? – не желая поверить в проигрыш, бил по столу кулаками цыган. – Не понимаю, как ты это делаешь?

– Чистая удача, – сгребая деньги, пробасил Сорс. – Не расстраивайся, в следующий понедельник отыграешься.

Опираясь на стол, Сорс встал и, открыв шкафчик бара, достал новую бутылку виски. В сложившихся обстоятельствах пропало желание даже пробовать алкоголь, Корса, кусая губы, рвал на себе волосы, не понимая, как он мог не заметить, что соперник собирает фул хаус. Близнецы и так уже были пьяны, но Сорсу трудно отказать. Расхваливая выдержанное односолодовое, он намеренно спаивал работников. Братья, потеряв контроль, начали хвастаться мускулами, после чего Сорс разрешил им идти, а вот цыган оказался стойким собутыльником. Даже после того, как, волоча ноги, Том и Форд выползли из вагончика Сорса, Роберт Корса оставался в здравом уме, интуитивно чувствуя: неспроста толстяк так расщедрился.

– Пойдешь работать к лилипуту? – очень серьезно спросил Сорс.

– Не могу, матери кто будет помогать? – ответил цыган.
– И если честно, Роджер, одно дело продавать билеты, и совсем другое – опаивать людей всякой дрянью, ты же сам слышал, что болтают близнецы, он поит народ чем-то незаконным.

– Ты уверен, что они всё правильно поняли? – Сорс прикурил новую сигарету и уверенно продолжил: – Наркота так не действует, сам подумай, выпил – и начинаешь швырять деньгами. Нет, тут что-то иное. Иди к нему работать, костями лягу, но он тебя возьмет.

– Не по душе мне этот Грукка, – залпом осушил стакан цыган.

– А если закрою глаза на недостачу? – подливая виски, предложил Сорс.

Корса почесал затылок, скривил губы и пристально посмотрел в глаза начальнику, он помнил озвученную лилипутом сумму и умел хорошо считать, двадцать процентов от прибыли, которые платил Боб, это полторы тысячи баксов и всего пятнадцать человек за неделю работы. И, что самое удивительное, многие из простачков стали постоянными клиентами шатра, в котором продавалось счастье.

– Пятьсот долларов сверху, – наконец выдал цыган и залпом осушил бокал. – И ты узнаешь, чем занимается этот карлик в своем шатре.

– Он лилипут, – поправил его Сорс.

– Да хоть сказочный эльф, – рассмеялся Корса. – Пять

сотен, и мы договорились?

– Хорошо, но тогда я буду проверять каждый корешок.

– Нет, – замахал руками цыган. – Пятьсот – и шабаш.

– Дорого.

– Триста.

– Не торгуйся, – жуя фильтр, начал Сорс. – Давай так, я закрываю глаза на недостачу, а когда узнаешь истину, заплачу двести долларов сверху.

– Ай! – протянул руку цыган и с азартом добавил: – Умеешь ты уговаривать.

Толстяк пожал потную руку пьяному цыгану и, вопреки желанию Корсы обмыть сделку, демонстративно закрутил початую бутылку. Намек был прямым, так что засидевшемуся гостю пришлось встать и пойти на улицу. А владелец парка спрятал деньги в сейф и, как обещал, пошел за корешками, а потом долго и дотошно проверял номера каждого проданного билета. Впрочем, с отчетностью у лилипута все было в порядке, шатер счастья исправно приносил хорошую прибыль, и при этом никто не понимал, почему люди платят шарлатану такие деньги.

Так прошел месяц, Грукка взял на работу цыгана и, несмотря на постоянное давление босса, Корса так и не смог подобраться к истине. Хотя кое-что все-таки нарыл, точнее, выкрал. Теперь оставалось понять, насколько близка находка к тайне Боба Грукка, или, возможно, украденная вещь и есть тайна? Много вопросов и ни одного ответа, так что, лю-

буясь гирляндами на красно-синем шатре цыганки Тамары, Сорс ждал, когда выйдет очередной клиент. Публики было мало, по будням всегда затишье, наконец из шатра вышла девушка, и толстяк, почесав пузо, повесил на входе табличку «перерыв».

В шатре было темно, на резном деревянном столе красовался стеклянный электрический шар, наполненный сиреневым дымом, со сгустком молний внутри, то тут, то там валялись костяшки рун. Стойкий аромат кофе и два удобных стула – небогатый антураж для кабинета гадалки. Но тут важен сам процесс, а не эффектная демонстрация. Хозяйки в комнате не было, что удивило, впрочем, Сорс окрикнул цыганку, и та вышла из кладовки.

– Господин Роджер, что-то случилось?! – с набитым ртом спросила пожилая женщина.

– Извини, что без приглашения, но твой сын так нахваливал кофе, – сев по-хозяйски на стул, ответил Сорс. – Не устоял, решил попробовать.

Через пару мгновений на столе стояли два блюда и две молочного цвета фарфоровые чашечки с горячим напитком. Женщина убрала седые волосы под цветастый платок и поставила на столик мельхиоровую сахарницу. Молча они выпили кофе, и цыганка предложила погадать на кофейной гуще. Сначала Сорс сделал вид, что не верит в это, но прекрасно зная порядок ритуала, сам перевернул чашку на блюде. Тамара все поняла без слов, не каждый день к ней заходил

владелец парка, и уж тем более на чашку ароматного напитка. Наступила гнетущая тишина, она долго изучала рисунок кофейной гущи сначала в чашечке, потом на блюде, крутила его из стороны в сторону, улыбалась, потом морщила лоб, но главное – все никак не решалась начать.

– Грядет беда, – посмотрев на Сорса, внезапно сказала она. – Не обижайся, Роджер, не ровня ты ему, уйди с его пути, иначе потеряешь парка, закроют нас.

– О чем ты? – встрепнулся Сорс.

– О лилипуте, – уверенно ответила Тамара. – Что-то злое стоит за ним, словно сама смерть держит его за руку. Вижу не одну смерть в огне.

– Что за бред? – съязвил Сорс.

– Сам смотри, рисунок, как лепестки пламени, – это плохой знак, – демонстрируя завитки на кофейной гуще, сказала Тамара. – Нет! – вскрикнула она и обронила чашку, но, собравшись с мыслями, продолжила: – Ты втянул в это моего сына, умоляю, не губи его. Он украл его собственность. Роджер, верни эту вещь, она проклята, – затараторила цыганка. – Верните, пока не поздно.

– Ты про эту вещь? – Сорс вытащил из кармана стеклянный пузырек.

Обычный миниатюрный сосуд с пробкой, весь в царапинах и сколах, киношники часто используют такие пузырьки как реквизит. И вот если бы в нем была светящаяся жидкость, то, с учетом опасения старой цыганки, реакция была

бы иной. А так она даже заново взглянула на кофейную гущу, не понимая, в чем опасность предмета. Пустой сосуд, дешёвая безделушка, с рисунком на дне: круг в треугольнике. Действительно непонятно, зачем Грукка скрывал этот пузырек. Достав из коробки потрепанные карты, Тамара положила бутылочку в центр пиктограммы. Мысленно сформулировав вопрос, она сначала разложила карты, а потом несколько раз кинула руны. Впрочем, ни карты, ни руны не показали ничего нового. Смерть в огне. Правда, в этот раз стало понятным, кто стоял за Грукка, темный человек, раздающий золото.

– Верни эту вещь, – собрав руны, закончила Тамара. – Нельзя мешать лилипуту, черная магия стоит за ним, не становись на его пути, будет беда.

– Заладила, как попугай, – взяв в руку пузырек, возмутился Сорс. – Вроде взрослая женщина, а несешь ересь. Не существует волшебства. А вот что реально есть, так это деньги у людей и наркотик для гипноза простачков в таких бутылочках. Мне нужен рецепт этого зелья, где это видано, чтобы человек платил деньги за разговор с воздухом?

Такой тон испугал цыганку, от страха она растерялась и выдала первое, что пришло на ум:

– Отпусти сына, – слезно прошептала она. – Господин Роджер, ну почему мой Роберт?

– А почему нет? – прикурив сигарету, ответил толстяк. – Да не волнуйся ты, мы сделаем всё аккуратно, есть у ме-

ня одна идея, как поставить на место выскочку в прямом смысле поднять шумиху, и шатер Грукка закроют, а владельца арестуют, вот тогда мы с Робертом и заберем рецепт.

– Нет никакого рецепта! – перебила его цыганка.

– Да кто ты такая, чтобы знать это? – возмутился Сорс.

– Умоляю, услышьте меня, – Тамара взяла его за руку. – Брось эту затею, десять полных лун, и он уйдет, как пришел.

– Разумеется, уйдет, – засмеявшись, отдернул руку Сорс. – Когда поделится секретом счастья.

– Да не продает он счастье! – в отчаянии крикнула цыганка. – Как ты не можешь понять, нет вокруг него счастья, только зло, в этих бутылочках смерть, которая выжигает все живое.

– Еще скажи, черная магия! – заржал Сорс, но, видя, что гадалка серьезна, добавил: – Не паникуй! Этот лилипут дурачит людей в моем парке, и ты хочешь, чтобы я не замечал такого безобразия? Не бывать этому, пока я жив.

– В таком случае будущее предрешено, – прошептала гадалка.

– Вот и проверим, насколько ты провидица! – он демонстративно затушил сигарету в кофейной гуще и со снобизмом добавил: – Спасибо за кофе, сын не наврал, вкусный, надеюсь, не надо повторять, что будет, если начнешь болтать о нашей беседе?

Тамара в испуге кивнула, давая понять, что и не собиралась разглашать тайну сеанса, а Сорс, опираясь на трость,

вышел из шатра. Женщина еще долго не решалась убрать со стола, то и дело, перепроверяя предсказанное, но ни руны, ни карты не меняли своего пророчества. Наконец в отчаянии цыганка силой сгребла все на пол, карты, битые чашки, руны – все смешалось на полу, а сама закрыла лицо ладонями. В такие моменты отчетливо понимаешь, насколько мир беспощаден, пожалуй – это самое ужасное, что есть в жизни, предвидеть грядущую беду и быть беспомощным что-либо изменить.

Журналист

Рони Докс, тощий мужчина средних лет, с тревогой окинул взором очередь желающих испытать, как написано на баннере у шатра, невероятное ощущение забытого счастья.

– Кто крайний? – с дрожью в голосе спросил он, а получив ответ, робко встал в конец толпы.

Через час ожидания Рони подсчитал, что на каждого клиента с сотней долларов в кармане лилипут из шатра тратит не более получаса, за которые, как утверждал засаленный плакат у входа, ты обретал гармонию с самим собой. И что самое удивительное, те, кто выходил из шатра, благодарили и обещали вернуться. И ладно бы на это велись заезжие туристы, так нет, разношерстная публика из местных, какой-то старик с портретом супруги, парочка с детской коляской и одинаково помятыми от недосыпа и переизбытка алкоголя лицами, и так далее – все знакомые рожи. Был даже католический священник с пустыми руками, что поначалу вызывало удивление, но потом Рони пригляделся и увидел торчащий из кармана кончик кружевного платка. «А нет, и у этого есть "проводник печали"! – промелькнула мысль. – Надеюсь, Сорс все просчитал, и трубка отца сойдет за "проводник"».

Без суеты горожане молча ждали, переминаясь с ноги на ногу, они медленно шли к утыканной красными лампочками деревянной арке. Рядом с ней стояла трибуна, за которой,

в белой сорочке, небритый и хмельной, цыган Корса зазывал публику на сеанс счастья в шатер Грукка. Пришел в первый раз – получай синий билет за сто пятьдесят долларов, если постоянный клиент – дадут красный со скидкой в одну треть от стоимости. Если честно, внешний вид богадельни был тот еще: обтянутый красно-синим брезентом круглый шатер, сколоченный на скорую руку забор от любопытных, покрашенный в тон брезенту. Два рослых охранника, бездумно шастающих по периметру и лузгающих семечки, ну и билетер в белой сорочке, от которого разило спиртным, как от бочки с брагой. Удивляло, за что народ платит такие деньги?

Неожиданно из палатки выбежала заплаканная девушка. Она повернулась к билетеру и буркнула на ходу едва внятное «спасибо», затем вытерла слезы армейской пилоткой и скрылась в толпе зевак.

– Следующий! – подняв цепочку, громко выкрикнул билетер, – Впервые? – посетитель кивнул, а билетер недовольно продолжил: – Тогда запоминай правила. Если сеанс счастья не понравился, говори сразу – верну деньги, промолчал и ушел – твои проблемы, мы не страховая контора, бегать за тобой не будем. Все ясно?

– Да, – сжимая детскую игрушку в руках, робко ответил мужчина.

– «Проводник печали» вижу, значит, оплачивай и проходи, – блеснув золотыми зубами в ехидной улыбке, Корса ука-

зал пальцем на прејскурант.

Дрожащей рукой мужик протянул две зеленых бумажки и, резко выдохнув, словно приготовившись к чему-то особенному, вошел в шатер.

– Новому клиенту приготовиться, – пряча наличные в карман, ехидно объявил цыган.

Стояла несносная духота, в августе всегда так жарко, Докс вытащил платок и вытер выступивший на лбу пот, затем пригладил тонкие волосы, скрывающие возрастные залысины, и сделал еще один шаг в очереди. Внезапно застыв, он словно о чем-то вспомнил и в очередной раз проверил, взял ли «проводник печали», курительную трубку отца, та никуда не делась, была на месте, слегка оттопыривала карман брюк.

Наверняка со стороны было заметно, что Докс чем-то сильно обеспокоен, он то и дело оглядывался по сторонам, вытирал о брюки потные руки, прикусывал тонкие губы, а его маленькие мышинные глазки не могли сконцентрироваться на чем-то одном, суетливо осматривая всех подряд. И это можно списать на страх перед первым сеансом магии, но тут иная причина. Весь город шептался, что в этом шатре творится нечто невообразимое, люди заходили туда со своим горем, а выходили счастливые, при этом никто не мог внятно объяснить, что конкретно с ними там происходило. Два простых условия: делать, что просят, и принести вещь, что печалит. И вуа-ля! Ты обретал счастье, а твой карман становился на сто долларов легче.

И так как Рони Докс работал журналистом, а значит, оставить без должного внимания такую необычную схему обогащения ну никак не мог, особенно когда работу спонсируют. Но расследование оказалось не из простых, пришлось поднять всю агентуру, связи, и только после того, как выяснилось прошлое Боба Грукка, заказчик пошел на крайнюю меру, приказал придать темным делишкам лилипута публичную огласку. Поэтому он и стоял в очереди с трубкой отца в кармане, вспоминая о трагедии прошлого, настраивался на сеанс. Разработанный до мельчайших деталей план был неплох, разве что приклеенный на груди диктофон вынуждал нервничать, ну а по-другому никак, как сказал Сорс: «Не поверят!» Клейкая лента крепкая, но в такую жару грудь чесалась настолько сильно, что хоть снимай всё и отменяй задание. А так нельзя, второго шанса может и не быть.

– Постоянный клиент?! Правила помнишь? – подняв цепочку, дежурно пробубнил цыган.

– Вроде того, – сглотнув ком в горле, соврал Докс и суетливо добавил: – Правильно же запомнил, что трубка отца пойдет как проводник несчастья, то есть печали?

– Ты в прошлый раз её приносил? – играя на публику, спросил Корса, Рони поначалу замялся, а после неуверенно кивнул в ответ. – Значит, пойдет, чего растерялся? Плати и заходи.

– Голова чумная от жары, – отдав пять купюр по двадцать долларов, оправдывался Докс, на что Корса молча оторвал

корешок красного билета и указал на вход.

В шатре было темно и пахло лавандой. Пробираясь на ощупь, журналист отодвинул занавеску и увидел сидящего на полу ребенка. Однако, присмотревшись, он понял, что это лилипут, одетый в серую мантию. Рядом с ним горела масляная лампа и стоял старинный кувшин, доверху наполненный жидкостью. Лысый лилипут с большими странного оттенка глазами указал рукой на пол. И как только Рони сел, тот спросил: «Где проводник печали?» Журналист трясущейся рукой достал из кармана трубку. Лилипут недоверчиво наморщил лоб, пытаясь вспомнить предмет, потом попросил билет, тот был красным, на что Грукка еще раз придирчиво осмотрел и билет, и проводник печали, и приказал выпить из кувшина.

– Я не хочу пить, – сразу же отказался Рони. – Можно сегодня без этого?

– Правила неизменны, не хочешь пить – уходи, – категорично ответил Грукка и указал на выход.

«Свежая кровь!» послышался чей-то голос сквозь едва различимый звериный рык. На что даже лилипут резко и предосудительно посмотрел в темный угол шатра, а журналист расценил этот жест как недовольство его отказом и схватился за кувшин.

– Стой, не выгоняй меня! – прокричал он. – Хорошо, сейчас выпью, – пригубив, ответил журналист. – Это что, вода?

– Много вопросов задаешь, пей! – приказал Боб.

От страха быть разоблаченным Рони взял в руки кувшин, поднес горлышко ко рту, и кадык заходил верх-вниз, отсчитывая глотки. Напившись, он поставил сосуд на пол и уверенно посмотрел в глаза лилипуту. Сразу же появился странный шум в ушах, похожий на метание дикого зверя в клетке, и чем сильнее кружилась голова, тем отчетливее становился шум, но паники не было, напротив, с каждым новым витком необычных ощущений приятная теплота расплзалась по телу. Лилипут зачем-то потянулся к его руке, а взяв её, расправил ладонь, та неестественно переливалась перламутровым блеском, после Грукка чем-то похожим на спицу уколол его палец, но боли не было, только тонкая нить алой крови струйкой побежала по пальцу, собираясь в ладони. Боб медленно потянул за руку, и она почему-то скрылась в тени неосвещенной части шатра, мгновение – и что-то шершавое коснулось ладони, от неожиданности Рони выдернул её, она все так же источала перламутровый блеск, но при этом из раны уже не сочилась кровь, а сыпалось темно-бордовое вещество. Озадаченный этим явлением Докс растер пальцами частички странного порошка. Казалось, кровь свернулась до мелких катышек. С укором посмотрел на лилипута, тот, растерявшись, выкрикнул первое, что пришло на ум: «Смотри туда!»

И там, где некогда была его ладонь, во мраке неосвещенной части шатра появился призрак отца. За доли секунды образ стал четким, как живой, один в один, как он запом-

нил его перед тем несчастным случаем, нелепой аварией, после которой глава семейства остался лишь на фотографиях и в памяти мальчишки. Такой же улыбчивый и добродушный мужчина стоит сейчас рядом, как в то воскресенье, после игры в баскетбол на заднем дворе. А если обнять его, то наверняка почувствуешь ту же колючую щетину, те же теплые руки и тот же едва ощутимый отцовский поцелуй, пока ты жадно вжимаешься ему в грудь.

– Что за фокусы? – в гневе закричал журналист.

– Наконец-то увидел призрака, – ответил лилипут. – Глупец, зачем ты мне соврал, что уже был на сеансе, но раз дух появился – общайся, – грозно посмотрев на силуэт зверя в темном углу шатра, сказал Боб. – Времени у тебя мало, от силы две минуты, призрак старый, долго не сможет находиться в мире живых.

– Но как? – возмутился журналист. – Это же обман, отец мертв!

– Сынок, ты так вырос, – неожиданно заговорил призрак. – Возмужал...

– Папа, это правда ты? – спросил Рони.

– Конечно, сынок, – подойдя ближе, сказал призрак.

– Всему виной то, что ты подмешал в воду в кувшине, вот я и вижу галлюцинации, – растерянно прошептал Рони, пытаясь на ощупь поймать руку отца, но та лишь развеивалась от прикосновения.

– Вижу, задумал недоброе, – отец вплотную подошел к

нему. – Не делай этого, я настоящий, трудно объяснить, как этот лилипут смог меня вернуть сюда, да и не важно все это, лучше расскажи, как живешь. Я так соскучился.

– Зачем ты это делаешь с людьми? – Рони резко повернул голову и посмотрел на стоящего рядом лилипута. – Это какой-то розыгрыш, где проектор? Как ты это сделал, лилипут?

– Нет, сынок, это не розыгрыш, и я настоящий, – улыбнулся призрак и тут же добавил: – Спасибо, что хранишь трубку, береги ее и другие мои вещи, они – проводники в мир живых. Теперь мы будем видеться чаще, как же я рад был тебя увидеть, кровинушка ты моя!

– Стоп! Стоп! – замотал головой Рони. – Чем ты меня опол? – схватив за грудки лилипута, закричал он. – Признавайся, мошенник!

Лилипут остановил сеанс и позвал охранников, те с ходу повалили недовольного клиента на пол, а затем вынесли из шатра. Что самое удивительное, несмотря на то, что журналист вопил на весь парк аттракционов: «Боб Грукка мошенник и шарлатан!», требуя вызвать полицейских, посетители в очереди сделали вид, будто ничего не случилось. И вот так, под одобрительное молчание, Рони донесли к выходу из парка аттракционов, а затем, не церемонясь, швырнули на газон парковки, навсегда запретив приближаться к шатру.

Отряхнувшись, журналист открыл припаркованную машину и, сев на заднее сиденье, первым делом отклеил диктофон и вдоволь начесался. Задание было провалено, в увиден-

ное никто не поверит, так что теперь магнитофонная пленка – единственное, за что Сорс может заплатить деньги.

Вечером в вагончике Сорса они раза три прослушали запись и, убежденные, что с такой уликой Боба как минимум арестуют, незамедлительно отправились в полицейский участок.

– Серьезно подготовился, – натянув на нос очки, начал шериф Стоун. – И кто из вас очередной поклонник лилипута Грукка? – не подымая глаз, продолжил полицейский, тщательно всматриваясь в улики. – Кстати, не думали, в чем секрет этого парня? Нет, я не про ваше досье, а про то, почему людям не жалко своих денег? Может, дело в сумме? Когда заплатишь доллар за хороший хот-дог, начинаешь искать недостатки: то горчица не острая, то мяса в сосиске мало, а если отдал сотню за фарш из кожи и прожилок и старую прогорклую булку, будешь жрать и нахваливать эту дрянь. Не замечали такую особенность у людей? – полицейский закрыл досье и очень строго спросил: – В чем проблема, парни?

– Примите заявление, он отравил меня, – выкрикнул Рони.

– Водой из глиняного кувшина? – перебил шериф и сам же продолжил: – Пустой вариант, неоднократно брали на анализ кровь и мочу, и ни у кого не нашли следов психотропных веществ. Холестерин, сахар, белок, даже венерические болячки находили, но только не наркотики.

– Шериф Стоун, – в разговор вмешался Сорс. – Там дей-

ствительно творится нечто странное...

Вытирая пот со лба, владелец парка не скупился на эпитеты, поливая грязью лилипута, не брезгуя даже крепким словом, на что полицейский сначала улыбался, но в конце тирады с грустью посмотрел на парочку горе-потерпевших.

– А вы, собственно, кем будете господину Доксу? – подытожил пламенную речь Сорса шериф.

– Владелец парка аттракционов, – растерянно ответил Роджер. – И как порядочный гражданин я не мог смотреть на это беззаконие. До каких пор полиция будет бездействовать?

– Так вот кому Грукка перешел дорогу, – с ухмылкой заметил шериф. – Тогда у меня встречный вопрос: в чем состав преступления?

– А разве это не ваша работа – его искать? – недовольно буркнул толстяк.

От неслыханной дерзости Стоун резко встал. Маленькое деревце на журнальном столике у входа тут же пожелтело, и дабы не привлекать внимания дотошной парочки, он выдохнул и спокойным тоном спросил:

– Вас ограбили?

– Не совсем, – растерявшись, ответил Рони.

– Вас избили?

– Не совсем, – столь же растерянно ответил Сорс.

– Но меня с силой вытолкали из шатра! – добавил Рони.
– Заломили руки и вышвырнули, как щенка, на улицу.

– Это не повод для ареста, – недоверчиво наморщил лоб

шериф. – Давайте так: назовите мне причину, по которой я должен закрыть этого парня, и я это сделаю.

Он сел за стол, а древестник снова стал зеленым.

– Вот, послушайте, – Сорс достал диктофон и включил запись.

На аудиопленке разговор Рони с отцом больше походил на монолог, звучал только его голос, а в паузах не всегда, но прорывался едва различимый звериный рык или лязг зубов. Складывалось ощущение, будто Докс находился рядом со стаей голодных хищников, почуявших плоть жертвы. Понятное дело, что речь призрака не записалась, да и был ли дух на самом деле, тоже вопрос, важно было другое – звериный рык, потому что в шатре кроме лилипута никого не было.

– Уже что-то, – изучая под лупой, нет ли следов монтажа пленки, пробурчал Стоун и, не подымая глаз, добавил: – В рабочем порядке проверим, откуда в шатре звери, если они есть, выясним, какие именно, есть ли в наличии лицензия, в общем, разберемся. Что-то еще, господа?

– Вспомнил! – внезапно закричал Рони. – Перед появлением отца лилипут проколол мне палец.

– А я говорил, они бесчинствуют в этом шатре! – оживился Сорс.

– Покажите след! – скептически выдохнул полицейский.

– Не может быть, ранка затянулась! – осматривая руку, прошептал Рони. – Но я же помню струйку крови.

Полицейский одернул мундир, водрузил на нос очки с толстыми линзами и раздраженно зашагал по кабинету. Невысокий, круглолицый, в очках и с солидным животом, он казался идеальным образцом офисного работника. Не удивительно, почему парочка потерпевших так по-хамски себя вела, указывая, как нужно вести расследование.

– Ладно, хватит тратить мое время, – строго заявил шериф. – Вся проблема в сотне долларов?

– Нет, – возмутился Сорс.

– А я говорю да, это единственное правонарушение, которое совершил Грукка, – перебил его шериф. – Но уверен, арендатор шатра вернет вам деньги, вы не первый, кто предъявлял жалобу и на следующий день получал деньги назад.

– Дело не в деньгах, – стоял на своем Сорс. – Как вы не поймете, он присвоил себе чужое имя, заставил людей посещать шатер, арестуйте этого мошенника!

– Насчет чужого имени – раскрою секретную информацию, – спокойно начал шериф, – мы делали запрос по месту рождения Грукка, поднимали архивы документов на водительское удостоверение, страховку, паспорт. Все выдано без нарушений. Проверили и слух, что липлупта якобы подменили, есть заключение экспертов по визуальному сравнению фото- и видеоматериалов – увы, но все домыслы – наговор. И на все эти экспертизы государство потратило неприлично огромную кучу денег, а все из-за таких равнодушных граждан, как вы. Но знаете, в чем корень проблемы? –

журналист и Сорс пожали плечами. — У Боба Грукка больше врагов, чем друзей, не уверен, что у него вообще есть друзья, одни завистники.

— Значит, вы не верите, что он опаивает людей? — перебил шериф Рони, но, увидев разъяренный взгляд Стоуна даже через очки, осекся.

— А вы не думали, что это может быть просто гипноз?

— Вы меня извините, шериф, — с укором заговорил Сорс, — но складывается впечатление, что вы покрываете этого жулика Грукка.

Сотрудник полиции сначала накричал на толстяка, требуя быть осторожным в обвинениях, но потом стал оправдываться:

— ...более того, моя сестра после смерти сына замкнулась и перестала следить за собой. Что мы только ни делали: она жила у мозгоправов, горстями поедала лекарства — и никакого результата, — побледнев от ярости шериф Стоун размахисто жестикулировал. — А потом кто-то надоумил ее сходить на сеанс к лилипуту, и знаете, что произошло?

— Понятия не имею, — ответил Рони.

— Она стала прежней, — шериф пристально посмотрел в глаза Сорсу. — Как полицейский я не поверил, что она смогла поговорить с сыном, попросить прощения, вся эта мистификация — полная чушь. Но то, что она изменилась, это неоспоримый факт. Поэтому официально заявляю, что не вижу ничего плохого в шатре Боба Грукка. Если люди верят, что раз-

говаривают с призраками умерших родственников, и платят за это по сто долларов, это их выбор: есть дерьмовый ход-дог и говорить, что он вкусный.

– Но шериф... – возмутился Докс.

– Довольно! – стукнул кулаком по столу Стоун, и древесник снова стал желтеть. – С этого дня все заявления от обманутых горожан принимаются на третьи сутки, во избежание неразберихи, поэтому не тратьте мое время. И вообще, какого черта, Сорс, ты владелец парка, лилипут платит тебе аренду?

– Не хочу, чтобы разъяренная толпа сожгла мой парк, – оправдывался Сорс.

– Всё, хватит! Вы мне надоели, – повысил голос шериф. – Официально заявляю: если лилипут не вернет вам деньги в течение трех дней, я приму вашу жалобу к сведению, по всему остальному – в рабочем порядке, – Стоун указал на дверь. – Не тратьте мое время!

Не такого результата ожидал Сорс. Пунцовый от гнева, он схватил трость и кивком указал журналисту на выход. Затея с арестом лилипута провалилась.

На улице стояла приятная вечерняя прохлада после знойного дня в конце августа. Конец уик-энда, для сна было слишком рано, да и после того, что было в полицейском участке, хотелось выпить, а не выспаться. Сорс достал кiset и дважды хорошо втянул табачный порошок, по разу в каждую ноздрю. Прочихавшись, он закурил сигарету и

скорбно посмотрел на журналиста, тот всем своим видом намекал на гонорар за выполненную работу.

– Давай выпьем, – предложил Сорс и нехотя добавил: – Ну, и рассчитаемся за работу.

– Уговорил, Роджер, – потирая руки, обрадовался Рони. – После такого денька двойной виски в самый раз.

Ближайший бар был за углом, неторопливой походкой они свернули на соседнюю улицу, и тут журналист неожиданно одернул Сорса:

– А это не Грукка, вон, в темно-синем пиджаке? – он указал на зашедшего в бар невысокого роста мужчину.

– Не разглядел, – с прищуром ответил Роджер, – Пойдем глянем.

– Может, не стоит? – остановил его журналист. – Уверен, он запомнил меня.

– И что с того, тебя полгорода знают, – подтолкнул его к бару Сорс. – Идем, ты выпить хочешь или нет?

В баре былолюдно, а вот джентльмена в темно-синем костюме там не оказалось. Поначалу это показалось странным, но после первого шота об этом никто уже не думал. Самой актуальной темой для разговора стала статья о шатре Грукка. Сорс человек практичный, и если уж платил деньги, то не за попытку, а за нечто более осязаемое. Разгромный заголовок, первая полоса газеты, яркий устрашающий текст – вот за это можно и заплатить гонорар.

– Простите, – подойдя к столику, начал официант. – Вам

просили передать, — он протянул конверт.

— Что это? — Рони раскрыл конверт и не поверил своим глазам. Пять банкнот по двадцать долларов, ровно столько он заплатил за сеанс магии, и рядом с купюрами аккуратно лежала записка: «До новой встречи, Рони Докс».

— Кто это передал? — грубо накинулся на официанта Докс.

— Невысокого роста джентльмен в темно-синем костюме, с необычным цветом глаз, походу, зеленые линзы с лиловым оттенком, — ответил официант. — Он сказал, что сильно виноват перед вами и сначала оплатил ваш счет, а затем велел передать конверт.

— И где он? — Сорс закрутил головой в поисках лилипута.

— Наверно, вышел, — ответил официант.

Журналист тут же выбежал на улицу, пытаясь догнать наглеца, но во дворе стояла звенящая тишина, на небе мерцали звезды, полная луна скудно освещала подворотню рядом с баром. Внезапно послышался грохот, но это кошка спрыгнула с забора. Докс в гневе ударил ногой по кусту, впрочем, это не помогло остудить злобу.

«Приходи еще!» — послышался знакомый голос. Рони даже обернулся, но увидел лишь толстяка Сорса. Опираясь на трость, тот выходил из бара.

— Убежал? — спросил он.

— Да. Проворный гаденыш, — прошипел Докс, пряча конверт в карман.

— В конверте деньги? — с ухмылкой спросил Сорс.

– Ага, – расстроенно ответил Рони. – Но ничего, – он махнул рукой. – Утром начну писать статью про этого мошенника. Я сделаю ему такую рекламу, что он запомнит меня надолго.

– Умный ход, Грукка, но и я не промах, – похлопав журналиста по плечу, расплылся в улыбке Сорс. – Правильно мыслишь, Рони, соберись с мыслями, составь слова так, чтобы каждый увидел в этом лилипуте мошенника.

– Соберу, еще как соберу, – ответил журналист, и, пошатываясь, они разошлись по домам.

Продавец счастья

Надо признать, что Боб Грукка не похож на лилипута, разве что рост соответствует, а в остальном и туловище, и руки, и ноги не кажутся такими непропорциональными, как это бывает у маленьких человечков, Грукка больше походил на подростка лет тринадцати. Но это лишь на первый и очень беглый взгляд. Присмотревшись, трудно не заметить возраст: лысина, дряблая шея, седая щетина, надменный взгляд, желтые, местами стесанные зубы и низкий голос, все это изрядно старило Боба. Часто выходил конфуз – со спины его принимали за паренька, но стоило Бобу повернуться или заговорить, все вставало на места, и собеседник менял тон беседы. Попробуй не поменяй, характер у Боба скверный, вспыльчивый, настолько, что работники парка старались избегать задиристого постояльца, но кто не с характером в подобных местах развлечения? Так что уже третий месяц возле парка «Вондерленд» стоял пропыленный ветрами Америки дом на колесах, в котором и жили лилипут и его пес, породу которого трудно определить: бесхвостый гладкошерстный кобель, черный как сажа, похожий на немецкую овчарку, вот только морда вытянута и уши как у добермана, разве что не купированные. Злая псина никого, кроме Боба, не подпускала к его автодому.

В самом шатре счастья трудились местные: два узколобых

амбала, постоянно что-то жующие, они совмещали не одну должность: охранника, грузчика, уборщика, делали все, что прикажут. Рослые задиристые братья Дефферы прибились к парку аттракционов еще в юности, в таких местах для крепкой спины и сильной пары рук всегда найдется работа. Боб заметил их сразу и переманил в свой шатер высокой зарплатой. И в принципе, они справлялись с потоком желающих купить счастье. Но владелец парка навязал своего билетера, того еще работягу. Цыган Роберт Корса, сын потомственной гадалки, любил выпить, покурить травку и частенько спускал заработанные деньги в покер.

– Эй, Боб! – войдя в дом лилипута, закричал Роберт. – Не хватает двести баксов, ты не брал из кассы?

Черный пес поднял морду и зарычал на незваного гостя.

– Не рычи, псина, я по делу.

Лилипут приказал псу замолчать, а сам накрыл тряпкой позолоченную ступку, в которой до появления наглого цыгана пытался растолочь бордовые гранулы размером с маковое зерно.

– Роберт, ну сколько раз повторять! – обернувшись, возмутился лилипут. – Хочешь войти – постучи в дверь, а вдруг я не один?

– Да чё я, голой бабы не видел? – почесав затылок, усмехнулся цыган, но, поймав разъяренный взгляд начальника и снова услышав рычания пса, осекся и даже перешёл на «вы». – Просто после случая с полоумным однояйцевые крутились

возле кассы, подумал, надо спросить сначала у вас, прежде чем наезжать на них, – последние слова цыган сказал шепотом. – Босс, вы точно не брали деньги?

– Брал, – скупое ответил Грукка.

– Зачем? – по-хозяйски спросил Корса, на что пес залаял. Цыган стал оправдываться: – Сегодня же платить аренду, не хватает двести долларов, мне-то все равно, но сами знаете, лысый боров за цент удавится.

Грукка прищурил глаза, напряг скулы, так, словно еще мгновение, и град ударов посыпется на подчиненного, он даже подошел вплотную к билетеру, сжимая кулаки. А тот от страха вжал голову и осунулся, предчувствуя затрещину. Несмотря на малый рост и худобу, рука у лилипута тяжелая, все, кто попадал под удар, неделями маскировали синяки. Но внезапно пес завыл, и лилипут изменился в лице, глаза вновь стали большими, появилась простодушная улыбка, наден он колпак с бубенчиком – вылитый эльф Санта Клауса, разве что лысый и зубы желтые, да и голос низкий от вредных привычек. Корса мигом отреагировал на перемены, расправил плечи и вопросительно посмотрел на начальника, мол, а все-таки, что делать с «бабками»?

– Доложи из дневной выручки, – похлопав по плечу подчиненного, ответил Боб.

– Понял, – буркнул цыган.

– Если это всё, свободен, – Грукка вернулся к столику со ступкой.

– Босс, а можно полюбопытствовать? – указав на ларец, не унимался Роберт. – Не первый раз замечаю, но все не решаюсь спросить, а красные гранулы – это дурь? – выдал он и тут же стал оправдываться: – Только не злитесь, интересуюсь из личных соображений, вечер воскресенья, завтра выходной, хотел бы расслабиться, покурить.

– Нет, – резко ответил Боб. – Это шафран, смешанный с перцем чили и корицей, любимая приправа брата. – Боб погладил собаку. – Он приезжает сегодня ночью, – стянув полотенце с ларца, лилипут предложил снять пробу. – Готовлю ему сюрприз, утка со специями. Можешь закурить!

– Не, спасибо, – шарахнулся цыган. – Думал, новый вид травки, извини, босс.

– Лучше иди оплати аренду, – улыбнулся Грукка и взял тяжелый серебряный пестик. – И не забудь взять расписку у директора парка.

– Разумеется, – открывая дверь, буркнул цыган, но тут же безразлично добавил: – Какой он директор, украл у штата землю, приютил бездельников и наживается на тех, кто честно работает. Да наш аттракцион весь парк кормит!

Но Боб не стал развивать мысль цыгана, тому только дай зацепиться языком – не отвяжешься, и, как только билетер ушел, вынул из-под стола бумажный пакет, доверху наполненный бордовыми гранулами, один в один как в ларце. Пес с умным видом лег напротив двери, а лилипут, высыпав всё в ступку, начал толочь необычное вещество. Странно, но с

каждым новым движением пестика содержимое ларца разительно уменьшалось в размерах, и, что более удивляло, образовавшийся порошок менял цвет, становясь ярко-красным, даже алым. Вы когда-нибудь видели такую специю? Наверняка даже не слышали, а движения Грукка становились увереннее, и с каждым новым нажимом пестика все меньше верилось, что это приправа для утки. Ну, во-первых, ларец из металла, навряд ли золотой, будь у лилипута столько золота, разве жил бы он в дешевом вагончике на колесах, где из замков только шпингалет на сетчатой двери и простенький врезной замок в два оборота, заходи, бери что хочешь. А во вторых, золото – мягкий металл, оно не годится для ступки, минимум бронза или сталь с покрытием, а лучше камень. Тут только пестик ценный, он, вероятно, из серебра либо мельхиора, на ручке чеканная голова льва, увенчанная переплетенными подснежником и лавром, дорогая штукавина, такую не купишь в продуктовом магазине по распродаже. Ну и главное, смесь специй, Боб явно лгал о перце чили и корице. Даже если предположить, что те бывают в гранулах, невозможно поверить, что при измельчении они настолько уменьшаются.

Утрамбовав истолченные в порошок гранулы, Грукка пересыпал всё в кожаный мешочек, а инвентарь убрал в сейф под кроватью. Забавно, но из пакета объемом с мяч получилась маленькая жменька вещества, впрочем, это его не огорчило, напротив, на хмуром лице лилипута появилась улыбка.

ка. Он погладил пса, а тот завилял всем телом, давая понять, что разделяет радость Боба. Довольный собой, Грукка открыл шкаф. Наглаженные комплекты были предусмотрительно развешаны по цветовой гамме, внизу стояли начищенные до блеска туфли, идеально подходившие под каждый из костюмов. Безупречный порядок. Казалось, в шкафу настолько чисто, что одежда отдает перламутровым блеском. А поведении самого Боба появилось что-то аристократическое, это чувствовалось в каждом его движении, он даже переодевался не как обычный американец, на скорую руку, спешно натягивая мятую одежду, а делал это степенно, получая удовольствие от нежности ткани, и когда парадный костюм темно-синего цвета лег как влитой на шуплое тело, Боб с прищуром посмотрел на пса. В этом наполненном горечью взгляде читалось непонимание, почему он живет в этом убогом захолустье, парке аттракционов «Вондерленде», среди пьяниц, воров и всякого сброда шарлатанов. Забавно, но и во взгляде пса тоже читалась похожая грусть, тот заскулил, а Боб уверенной походкой вышел во двор.

Городок Риверстоун – одно из тех мест, что возникли во времена освоения просторов звездно-полосатой страны. Порядка ста тысяч горожан компактно проживали в окружении необъятных степей, по соседству с федеральной трассой. Из развлечений в городе были тот самый парк «Вондерленд», множество придорожных пабов, закусочных и кафе-териев; не густо, но местным хватало, хотя молодежь, за-

канчивая среднюю школу, старалась уехать в столицу штата. Перспектива чахнуть в богом забытом месте, горбатясь на здешних богатеях, не всем нравилась. Так что основная масса горожан – среднего и пожилого возраста, пропыленные жизнью дальнбойщики и работяги-фермеры. Как говорится, вот она, старая добрая Америка.

Хозяин бара «Нетрезвый Джо», он же бармен и охранник по совместительству, долго разглядывал водительское удостоверение Грукка. Если честно, он сразу узнал местную «легенду», просто пытался завязать дружеские отношения, не каждый день в твой бар заходит поужинать знаменитость, о которой шепчется весь городок.

– Извините за эту формальность, – протягивая удостоверение, улыбнулся Джо. – По закону штата обязан проверять документы у всех, кто заказывает алкоголь. Но я вас узнал, искренне тронут тем, что выбрали для ужина мой бар, вы же «Продавец счастья»?

– Можно просто Боб, – пряча документ в карман, ответил лилипут. – Что посоветуете на ужин?

– Гамбургеры лично дегустировал, – положив на стол меню, заявил Джо, и с гордостью добавил: – Ручаюсь за каждый!

– Как насчет двух королевских гамбургеров и четырех пинт темного пива? – сделал заказ Боб.

– Вы меня извините, – удивился Джо, – но королевский гамбургер – это два фунта мяса. Вы уверены, что осилите

оба?

– Разумеется, – Боб положил на барную стойку сотню. – Хотите, открою секрет? – Джо кивнул. – Вон тот парень в цветастой рубашке, он один съест два таких, возможно, понадобится добавка.

– Ну, раз так, – расплылся в улыбке Джо, – оформляю заказ.

Владелец бара как чувствовал, что сегодня особый вечер, обслуживать местную знаменитость – хорошая реклама. «Надо сделать с ним селфи!» – подумал он и отдал заказ повару. После сытного ужина довольный клиент не откажет в просьбе. На «стену гордости» попадали только избранные горожане Риверстоуна. Джо так называл несущую стену у барной стойки с фотографиями, на которых тот в обнимку с посетителями красовался на фоне вывески. Такое творчество считалось изюминкой заведения «Нетрезвый Джо». Сам бар был поделен на три зоны: питейная, у барной стойки, где и красовалась «стена гордости», игральная – у туалета, с двумя бильярдными столами, и столовая, с красными кожаными диванами, белыми столами и темно-синей посудой – отсыл к цветам национального флага. Никакого полета дизайнерской мысли, так что фото в рамках были тем единственным, что привлекало взоры туристов. Разглядывая их, бедолаги пытались найти хоть одно знакомое лицо, кроме барменовского и заодно цедили пиво под лёгкую закуску.

А тем временем спутник Боба в углу зала с ухмылкой

разглядывал посетителей. Интересная личность, трудно сказать, кто он по национальности: аспидного цвета волосы, впалые серо-голубого цвета раскосые глаза, овальной формы лицо, губы тонкие, нос прямой с горбинкой – весьма специфическая внешность. Но самое интересное – цвет кожи. Белый, с серо-зеленым оттенком, при этом одет как хиппи – цветастая рубашка, потертые джинсы и сандалии на босу ногу. И вот что может связывать этого парня с лилипутом?

– Предупреждаю сразу, у нас в баре запрещено курить травку, – отсчитав сдачу, с улыбкой пригрозил Джо, но, видя, что гость не оценил иронии, спешно добавил: – Неуместная шутка, простите, не хотел обидеть вашего друга. Гамбургеры будут чуть позже, а пиво можете забрать сейчас. Приятного вечера, Боб.

– И вам того же, Джо, – оставив чаевые, Боб взял бокалы с пивом и прошел к крайнему столику.

То, что в этот момент в заведение сначала вбежал Рони Докс, а сразу следом, опираясь на трость, пожаловал владелец «Вондерленда» Сорс, Боб не мог видеть, он аккурат в это время расставлял бокалы, но парень в цветастой рубашке сразу обратил на них внимание.

– У тебя все в порядке с работой в шатре? – неожиданно спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Вон тот тощий думает о Бобе Грукка, – указав на рыскающего по бару человека, заметил парень. – Я бы даже сказал, что желает расправиться с ним.

– Ты про что? – обернувшись, лилипут узнал утреннего скандалиста. – Вот же настырный гад! – резко встав, заявил он. – Сейчас я проучу этого умника.

– погоди, – осадил его сосед и указал на толстяка. – Он не один.

– Сорс! – удивленно прошептал Дезмонд. – Как это понимать? – растерявшись, он опустился на стул.

– Ты его знаешь?

– Стив, сделай барьер из пыльцы! – приказал Дез и кинул кожаный мешочек на стол.

Без лишних слов парень по имени Стив разлил на стол немного пива и высыпал густой порошок из мешочка. Пара ловких движений черными ногтями, и небольшая часть порошка стала кашицей.

– Ты не ответил, – ловко начертав ногтем необычные знаки, он повторил вопрос.

– Толстяк – это владелец парка, а худой был утром на сеансе. – Он зачем-то солгал, сказал, что пришел на повторный сеанс. Испугался призрака отца. Учинил скандал, в общем, пришлось выставить его вон из шатра.

– И ты реально не понял, почему они здесь?

– Теперь уже догадался, – ответил лилипут. – Надо вернуть ему деньги и поговорить с Сорсом, некрасиво за спиной строить козни.

– Плати ему больше. Толстяк жадный, нам нельзя терять такое место, – закончив чертить странные символы, заявил

Стив.

Странное вещество этот алый порошок, похожий на пудру, или, как ее назвал лилипут, – «пыльца». От соприкосновения с жидкостью онакратно увеличивалась в объеме, буквально из щепотки на кончике ножа получилось приличное количество вязкой кашицы. Каракули, которые Стив чертил, заняли треть стола. Тут обычной гуаши потребовалась бы целая банка, но вот что удивляло: когда Сорс заглянул в кабинку, он увидел грудугрязной посуды. «Вот свиньи», – подумал толстяк и пошел к другому столику.

– Надоел мне этот владелец парка. Может, его приструнить и забрать себе весь парк?

– Зачем тебе лишнее внимание, и так все косятся.

– В чем-то ты прав, – радуясь, что барьер работает, Дезмонд похлопал по плечу Стива. – Как тебе новая партия пылицы?

– Отличная, – пряча в карман мешочек, ответил Стив.

– Ты принес темную воду?

– Погоди, сейчас, – тот достал три пузырька с прозрачной жидкостью. – Извини, дядя дал только три флакона.

– Почему? – вскричал лилипут.

– Адольф сказал, что не хочет повторения трагедии Сомерсленда, – вжавшись в стул, ответил Стив.

– Я правильно тебя понял, Куффер отказывается соблюдать договор? – с прищуром начал Дезмонд.

– Нет, Боб, всё не так...

– Мое имя Дезмонд Ромул, – раздраженно перебил его лилипут и, показывая указательным пальцем на посетителей бара, добавил: – Для них я Боб Грукка, а для тебя Дезмонт Ромул Лемм, и если ты забыл, кто наместница в этом штате, то могу напомнить.

– Не угрожай мне, мы в одной лодке, Дезмонд, я, ты и Куффер, – с металлом в голосе ответил Стив. – Чего ты разошелся? К моей части сделки есть претензии?

– Нет.

– Тогда к чему эта сцена?

– Бойтся он смерти одного-двух людишек, надо доверять мне, если я сказал, что не буду убивать, значит, не буду! – не унимался Дез. – Или Куффер забыл про запрос из министерства за номером 667, о возврате кувшина Ра законному владельцу? Может, мне лучше договориться с родом Оссори?

– Стой! Не заводись, Дезмонд, ты в гнев хуже брата, – попытался успокоить его Стив. – Адольф недоволен тем, что количество темной воды не соответствует количеству пыльцы. Никто не отказывается выполнять взятые на себя обязательства.

– Если мне надо пять доз, значит, надо принести пять! – эльф в гнев ударил кулаками по столу. – Почему с людьми всегда так сложно? Упрямый зельевар!

– А если сильнее разбавить? – предложил Стив, но, видя недоумение на лице лилипута, тут же поправился. – Просто мысли вслух.

– Нет, это так не работает, – ответил эльф. – Концентрация сущности Ра – ключевая штука, не рассчитал дозу, забрал все волшебство из плоти человека, и тогда тот умрет. Так было в Сомерсленде, брат вытягивал все до крохи из бедных человечков. Но там животный инстинкт, что взять со зверя? Он не контролирует свою силу. А в шатре всё по-другому, существует выверенная формула, чуть больше – и клиент потерял сознание, чуть меньше – началась истерика, как с этим тощим. С людьми всегда сложно, пойми, никто не придет на повторный сеанс, если я буду просто опаивать и забирать пыльцу, изюминка шатра счастья в балансе магии. Дать ровно столько, чтобы разум начал различать волшебное. Вот где искусство и мастерство, а потом нужно дать наживку. Что самое ценное для людей? Правильно, связь поколений. Простое общение с тем, что утеряно, настолько важно для них, что перезапускает всю систему. Они даже начинают регенерировать пыльцу. Не все, вероятно, только полукровки, но это всё детали. Главное, что они возвращаются не пустые, а доверху наполненные волшебством.

– А зачем так сложно? Мне казалось, их тянет сущность Ра, – усмехнулся Стив.

– И это тоже, – гневно рявкнул эльф. – Но в большей степени желание поговорить с умершими. Так что передай своему дяде, вода ушла на поиск идеальной формулы.

– Передам.

– Хотя нет, ничего не говори, – почесав лысину, заявил

лилипут. – Заключим непреложный контракт. Род Лемм возьмет в аренду кувшин Ра лет на десять или двадцать и будем спокойно работать.

– Плохая идея, дядя не одобрит. Да и кувшин в розыске, магия золота не даст совершить сделку.

– Заладил: «дядя, дядя». Адольф Куффер тебе не родственник, – гневно процедил эльф. – Он помог тебе вырасти, но и только. В тебе течет кровь великого рода, ты над людьми, ты часть темной магии.

– А толку, – рассмеялся Стив. – В современных реалиях звания и титулы ничего не значат.

– Не соглашусь, все осталось в силе, – сделал глоток пива Дез и тут же удивленно добавил: – А с чего ты взял, что золото не даст провести сделку?

– Потому что кувшин в розыске, сам же пугаешь приказным листом.

– И что с того? Оссори не его создатель, просто владелец, – рассмеялся эльф. – Такие артефакты никому не принадлежат, их творцы – уже пыль под нашими ногами, – ответил Дезмонд и положил на стол три монетовидные болванки из золота. – Смело доставай кожу, заодно и проверим, что скажет магия золота по этому поводу.

Играя желваками, Стив окунул указательный палец в остатки алой жижи, вены на руке наполнились кровью, палец почернел и вытянулся, ноготь заострился, став когтем зверя.

«Торо-мэне-сон-дэга, торо-мэне-сон-дэга», – монотонно

заговорил он, собирая в круг на радужке глаза все волшебное, что было в лилипуте. И как только из глаз Боба тонкой струйкой потекла кровь, он резко замолчал, взяв в руку заготовленную болванку. Возникло ощущение, что волшебная энергия сама управляет его кистью, указательный палец чертил круг по линиям зрачка, а большой палец царапал что-то на монете. Каждое новое движение когтя меняло цвет металла, золото обретало лиловый оттенок, а царапины – контуры рисунка. Наконец в завитках проступили едва различимые очертания подснежника и лавра. Еще один виток вокруг зрачка, и на обратной стороне монеты проявился кувшин с узким горлышком в окружении непонятных символов. Стив взял еще одну заготовку, и в этот раз рисунок проявился быстрее. Затем еще одну, и как только та стала монетой, Боб резко отдернул голову.

– А ты боялся... – не открывая глаз, съязвил Боб. – Монеты не тронь, как только брат заберет у Куффера кувшин, получишь все три, как и прописано в договоре.

– Опасную игру затеял, Дез, – ответил Стив. – Куффер хоть и стар, но хитер.

– Не волнуйся, мой темный друг, – похлопав Стива по плечу, сказал Боб. – В этот раз все будет по-другому.

– Чтобы было все по-другому, научи брата ценить человеческую жизнь, – с укором заметил Стив. – И научись ладить с людьми. Хотим мы этого или нет, но они – будущее этого мира, сила в них, а не в нас.

– Чушь!

– Вот та парочка... Ты в курсе, что тот тощий скандалист – журналист местной газеты, и он с владельцем парка строит планы о разгромной статье, – растирая между пальцами золотую крупинку, заметил он.

– И что это им даст? – Эльф взял салфетку, сделал из неё конверт. – Пропитай его пылью, есть одна идея, как спутать им планы.

Начертив нечто схожее с символами на столе, только в миниатюре, Стив убрал руки от салфетки. Краска стала впитываться, добавляя к белому едва уловимый алый оттенок. Невероятно, но конверт стал преображаться на глазах: разгладились вмятины, края стали ровными, и вот уже на столе лежит не сделанная на скорую руку поделка, а презентабельное изделие из типографии.

– Только деньги положи настоящие, – предостерег Стив, на что Грукка достал из кармана двадцатидолларовые купюры. – В таких вещах нельзя быть жадным, магия слаба, долго не продержится, а деньги останутся.

– Не учи, – раздраженно ответил Дезмонд и встал из-за стола.

– И еще, Дезмонд, – окрикнул его Стив. – Поторопи повара, я голоден.

– Узнаю лепреккона, – ответил эльф и подозвал официанта. Как только задуманное было сделано, лилипут забрал заказ и, предвкушая трапезу, поставил на стол разнос с дву-

мя королевскими гамбургерами, аккуратно разрезанными на порции. Было даже видно, как едва уловимый дымок поднимается от горячей говяжьей котлеты, пропитанной соусом и соком маринованных огурчиков, бекон хрустел при нажиме, а жареное яйцо гордо возвышалось над мясом, от одного вида бежали слюнки. Боб взял в руки половинку гамбургера и смачно откусил все слои вкусняшки, Стив, недолго думая, сделал то же самое. Не церемонясь, они с жадностью заглотили каждый по парочке фунтов мяса, а после запили все пивом.

– За золото! – звонко чокнувшись бокалом о бокал, выдал тост лилипут.

– За черное золото, – добавил Стив и осушил свой до дна.

Когда еда и пиво закончились, Стив оставил несколько слитков, покрытых черной пятиной, за партию пылицы для обращения в металл, а после предусмотрительно размазал начертанные на столе символы. Барьер развеялся, и официанты наконец увидели грязную посуду. Вечер удался.

Справедливости ради, не все остались довольными, у владельца бара случился приступ гнева, когда тот понял, что упустил местную знаменитость, оставшись без фотографии для «стены гордости», а в целом все, что было задумано, случилось. Вернувшись поздно ночью, лилипут старался не шуметь, аккуратно отрыл дверь, вынув из кармана пузырьки с темной водой, снял костюм.

На кровати мирно спал пес.

– Ты спишь? – прошептал Грукка, и животное, вздрогнув, подняло морду.

Зверь негромко заскулил, и сквозь жалобный вой послышалась человеческая речь: «Золото принес?»

– Да, – не отводя взгляда от пса, ответил Грукка.

И снова едва уловимым фоном сквозь обычное завывание послышалось: «Ну что застыл, дай миску. Где темная вода? Или тебе приятно говорить с собакой?»

– Прости, брат, задумался, – выдал лилипут и положил в миску сначала слиток золота с черной патиной, а потом пару крупиц от монеты с патиной лиловой. – На, держи, – он налил туда темную воду, и, зашипев, золото превратилось в густую кашу.

Пес наклонил голову и с жадностью стал вылизывать шипящую смесь, с каждым движением головы шерсть клочьями осыпалась на кровать, обнажая белоснежную кожу. Ошейник вновь треснул и упал, сжался до перстня. Морда словно выросла обратно в череп, образуя человеческий облик, с пальцами на лапах происходило обратное: сбрасывая щетину, они удлинялись, было видно, как под кожей происходит нарастание мышечной массы. Рёбра, спина, таз, бёдра – все набирало объем, становясь человеческим. И наконец уже принявший человеческий облик Торенс взял миску и в один глоток жадно допил остатки вязкой жидкости.

– Держи! – брат протянул ему простыню, и тот прикрыл наготу.

– Есть еда? – спросил он брата и, не найдя ничего съедобного на кухонном столе, добавил: – Дай мне денег!

– Они в сейфе, – ответил Дез.

– Так что насчет кувшина? Лепрекон заключил договор? – похлопав по плечу брата, спросил Торенс.

– Вот, – он положил на стол три золотых монеты. – Я настолько опустошен, что еле стою на ногах, одно дело черное золото, и совсем иное – платить собственной магией.

– Силы придут, – взяв в руки монеты, ответил Торенс. – Теперь мы вернем былую мощь роду. С кувшином Ра нам не нужен этот фокус с шатром.

– В шатре нет ничего плохого, – возразил эльф. – Мы получаем деньги, а это еда и жилье. Золото, конечно, важно, но для выживания нам придется жить по правилам мира людей.

– Возможно, для тебя это жизнь, но мне надо больше. Я хочу быть тем, кто есть, а не прятаться под шкурой животного. В нас течет кровь воинов, мы соль этого мира, псы войны, – он посмотрел на Дезмонда и с ухмылкой добавил: – Что-то не так, Дезмонд?

– В жизни Боба Грукка есть свои плюсы, – грустно заметил брат.

– Как и в жизни пса Чарли, – гневно ответил Торенс. – Дезмонд, не зли меня! Не позорь фамилию отца, он плечом к плечу с Оверманом топил корабли темных, его боялись во всех океанах. Конечно, если тебе удобно быть лилипутом и жить его жизнь, живи. Но не смей в моем присутствии назы-

вать себя этим мерзким именем, — он схватил лилипута за грудки. — Ты меня понял, брат?

— Да, — сглотнув ком в горле, ответил тот.

— Вот и хорошо, — он обнял брата. — Идем купим еды, я голоден, как волк.

— Скорей, как пес, — рассмеялся Дез.

— Ха, ха, вот такой братишка мне по душе, — оценил его шутку Торенс, а затем открыл шкаф и достал одежду. — Во всех наших муках виноват человек, а значит, мы вправе требовать компенсацию.

— Али-Аслан отличался от людей, — ответил Дез. — И его проклятие — расплата за обман.

— Что? — вскричал Торенс. — Кто он такой, чтобы запрещать нам пользоваться магией, наш отец был ослеплен величием владыки мира, слепо поверил в его справедливость, за что поплатился сполна, и я этому прямое доказательство. Думаешь, мне удобно жить в шкуре пса от полнолуния до полнолуния?

— Дело не в этом, — стал оправдываться эльф. — Быть животными, это цена спокойной жизни каждого из знати. Мы разделили плату на двоих, я потерял силу, но сохранил людской облик, ты выбрал иной путь, став зверем. В чем несправедливость?

— Дезмонд, тебе надо меньше общаться с пчелами, просто собирай пыльцу, а то ты начинаешь влюбляться в человечков, а они никогда не будут нами, в них нет магии, они

– пчелы, которые дают пыльцу, – взяв за подбородок брата, строго сказал он. – Договорились?

– Как скажешь, брат.

– Вот и славно, – открыв дверь на улицу, подытожил Торенс. – Идем.

Наместник

Августовское утро бодрило неожиданной прохладой. Анна-Мария, в белом ситцевом платье и красных бусах, влетела в магазин, кивком поприветствовала рабочих и, ничего не объясняя, скрылась за дверью кладовки. Там на столе уже лежал пакет с остатками еды и какой-то темно-бордовой кашицей. В голове вертелся один вопрос: почему брат так глупо подставился?

Громко хлопнув ладонью по столу (два коротких и один длинный удар), госпожа Лемм позвала жабу. Высунув голову из густой травы, та нашла взглядом хозяйку. Фиолетовая, с большими красными глазами рептилия ловко прыгнула в сторону стола и через пару движений оказалась у ее ног. Анна-Мария развернула пакет, жаба открыла пасть, и хозяйка в нарушение протокола скормила ей содержимое пакета. Бугристая кожа пошла темно-бордовыми пятнами, а из лап поползли древесные нити, опутывая площадку перед столом. Трава, словно по команде, прижалась к земле, образовав идеально ровную поверхность, и на ней, как на учебной доске, приминая травинки, возникли две эмблемы: подснежник, оплетенный лавром, и круг в треугольнике.

Нехотя достав приказной лист, эльфа налила на него волшебные чернила и попросила Дерри сделать опись улик.

— Эх, Дезмонд, угораздило тебя впутаться в неприятности,

– видя, как на пергаменте появился герб ее рода, прошептала она.

– Ладно, что мы имеем? – читая вывод, сказала наместница. – В объедках нет магии, значит, это была дружеская встреча, а не приворот – минус пункт обвинения. Бордовая каша, смесь пива и концентрата пыльцы – эта улика по-серьезнее, хотя погоди, чтобы приготовить концентрат, нужны волшебные инструменты – еще минус статья! Запретное вещество принесли, а не добыли. Вычеркивай! – приказала жабе эльфийка. – Чем они занимались под покровом заклинания, неизвестно. Просто ели, да, именно ели, зачем все усложнять? – рассуждала Анна-Мария. – Остался последний пункт: заклинание в присутствии людей. Дерри, кто-то его создал?

Дерри положила лапу на круг в треугольнике, а госпожа радостно соскребла часть чернил, удалив тем самым все упоминания о своем родовом символе.

– Если все было так, то зачем упоминать об эльфе? Неизвестный лепреккон хотел, не привлекая к себе внимания, поужинать, вот и создал заклинание, – с улыбкой заметила она, проверяя написанное в приказном листе, а жаба одобрительно закивала. – Понять бы, кто он. Круг в треугольнике. Не похоже на родовой герб, наверняка кто-то из молодых, они любят все путать. Без роду без племени, а амбиций выше головы. Дерри, можешь узнать, кто за этим стоит? – приказала она, кинув пару крупиц золота в пасть жабы.

Трава снова разгладилась, и на ней возникли знакомые руны, одновременно с этим в приказном листе появились имя и фамилия нарушителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.